

ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ КОРОНЫ



18+

ЛИНА ФЛАММИЯ



Лина Фламмиа

Последний танец короны

«Автор»

2026

Фламмия Л.

Последний танец короны / Л. Фламмия — «Автор», 2026

Что, если твоя корона — не символ власти, а паразит, вросший в череп? Что, если твой долг — танцевать, пока тело превращается в пепел? Что, если единственный, кто может тебя спасти, — это человек, который не верит в магию? Анастасия — последняя Королева Гнили. Сорок лет она была предохранителем в системе, уничтожившей мир. Теперь она просыпается, чтобы пройти через мёртвый город, населённый мутантами, призраками и теми, кто забыл, как быть людьми. Её ждёт «Последний танец» — ритуал, который либо остановит магический апокалипсис, либо сотрёт всё окончательно.

Предупреждения Текст содержит: · Жестокость и насилие · Сцены смерти · Магический и телесный хоррор · Психологическую травму · Мрачную атмосферу без хэппи-энда · Отсутствие романтической линии

18+ Текст содержит сцены жестокости, насилия, телесных трансформаций, психологической травмы и экзистенциальной безысходности. Не рекомендуется лицам до 18 лет, а также людям в состоянии депрессии или тревожных расстройств.

© Фламмия Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Венец и Прах	11
Глава 2. Зона Застоя	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лина Фламмия

Последний танец короны

Пролог

Говорят, что мир закончился не с грохотом, не со взрывом или с криком, а с тихим шорохом осыпающейся извести. С тем звуком, с которым старая штукатурка покидает стены, с которым ветер перебирает сухие листья на могилах, с которым время стирает имена с надгробий.

Триста лет Династия возводила стены, которые казались вечными. Триста лет руки каменщиков, архитекторов и рабов укладывали камень за камнем, вознося шпили так высоко, что они цепляли облака. Триста лет магия «Олимпа» текла по венам города, как кровь течет по венам живого существа, даря свет в окна, тепло в дома, силу в заводы и сладкую, опасную иллюзию безопасности тем, кто забыл, что безопасность – это роскошь, которую нельзя купить ни за какие деньги.

Но у каждого золотого века есть срок годности. У каждой империи свой предел прочности. У каждой иллюзии миг, когда пелена спадает с глаз.

В день, когда небо над столицей окрасилось в цвет сырой печени – тяжелый, багровый, с прожилками черного, как у больного органа, время остановилось. Часы на городской башне замерли на отметке без четверти шесть. Маятники застыли в воздухе. Сердца тысяч людей сделали последний удар и замерли, так и не дождавшись следующего.

Говорят, что в тот день пепел падал с неба три дня и три ночи. Он ложился на плечи статуй, на крыши домов, на лица мертвых, припудривая их сединой небытия. Он был теплым, этот пепел, потому что в нем еще горели остатки того, что когда-то было жизнью.

И среди всего этого пепла, в самом сердце мертвого города, осталась Она.

Есть легенда о Королеве Гнили.

Её шепчут по ночам те немногие, кто выжил и уполз в тень, кто прячется в подвалах и метро, кто питается крысами и пьет грязную воду из проржавевших труб. Её передают из уст в уста, обрастая подробностями, которые никто не может проверить, но в которые все хотят верить.

Говорят, она сидит на своем троне в самом сердце мертвого города. Трон этот вырезан из цельного куска обсидиана, доставленного с другой стороны мира за сто лет до Катастрофы.

Говорят, что камень этот помнит тепло лавовых потоков и холод океанских глубин и что ни одно живое существо не может прикоснуться к нему, не обжегшись, но она сидит, и камень принимает её, как принимает могила тело.

Говорят, её платье алее, чем закат над руинами. Алый бархат, расшитый золотом, – единственное пятно цвета в мире, который стал серым, черным и пепельно-белым. Оно не выцвело за сорок лет, не истлело, не рассыпалось в прах, потому что оно пропитано не просто краской – оно пропитано кровью. Её кровью. Кровью династии.

Говорят, её корона проросла сквозь череп, сквозь разум, сквозь самую душу. Золотые зубцы, похожие на пальцы мертвеца, вцепились в височные кости так крепко, что стали частью скелета. Они не снимаются, их можно только вырвать с мясом, с костью, с жизнью. Корона связывает её с каждым кирпичом павшей империи, с каждым осколком стекла на мостовой, с каждой тенью, что бродит по ночам среди руин.

Говорят, она не жива и не мертва. Она – нечто среднее. Мост между тем, что было, и тем, что никогда не наступит. Хранительница пепла. Смотрительница кладбища, которое когда-то звалось величайшим городом мира.

Она – предохранитель. Технический термин, который никто из шепчущих легенды не понимает, но который точно описывает её суть. Предохранитель, удерживающий остатки реальности от окончательного распада. Пробка, заткнувшая горлышко бутылки, в которой бурлит еще не остывшая лава. Крышка гроба, за которой что-то продолжает шевелиться.

Но легенды молчат о том, что предохранители имеют свойство перегорать. Что даже самое прочное стекло дает трещину, если давление становится слишком высоким. Что любая крышка слетает, если то, что внутри, хочет выйти наружу.

Сорок лет тишины подошли к концу.

Сорок лет, в течение которых ветер выл в разбитых окнах, пепел заносил улицы, а тени учились жить без света. Сорок лет, в течение которых Корона пила её жизнь по капле, превращая молодую женщину в мумию, в скелет, в тень тени.

Сорок лет – и тишина стала невыносимой.

Настало время последнего танца.

День её двадцать пятой весны должен был стать самым светлым в истории Династии.

Астрологи предсказывали уникальное расположение звезд. Жрецы обещали благословение всех богов, которым когда-либо поклонялись в этих землях. Архитекторы достраивали новые триумфальные арки, портные шили новые наряды, повара изобретали новые блюда. Готовился праздник, которого не видели со времен основания империи.

Вместо этого он стал последним днем в истории человечества.

Анастасия помнила всё. Каждое мгновение. Каждую деталь. Каждый вздох. Память – это проклятие тех, кто пережил своих близких, и её память была острее любого ножа, потому что Корона не давала забывать, консервируя воспоминания, как муравьев в янтаре.

Она помнила холод мрамора сквозь тонкую ткань своего платья, когда опускалась на колени перед отцом. Мрамор был розоватым, с темными прожилками, его привезли из каменистых мест, что находились за три тысячи миль, и каждая плита стоила больше, чем год жизни простого рабочего. Холод пробирался сквозь шелк, сквозь кожу, добираясь до костей, и она думала тогда: «Неужели все коронации такие холодные?»

Зал Дворца Солнцеворота замер.

Тысячи аристократов в напудренных париках затаили дыхание. Тысячи лиц, обращенных к ней, лица, которые она знала с детства, которые улыбались ей на балах, лица, которые шептались за её спиной, обсуждая, достойна ли она своего имени. Все они смотрели сейчас на неё, и в их глазах она читала одно: «Ну же, девочка, не подведи».

Тысячи камер, встроенных в стены, в люстры, в пуговицы придворных, транслировали каждый её вдох на всю планету. Где-то там, за стенами дворца, миллиарды людей смотрели на экраны, затаив дыхание. Где-то там, в трущобах на окраинах, дети прижимались к холодным стеклам дешевых телевизоров, мечтая когда-нибудь оказаться на её месте.

Воздух звенел от напряжения. Он был таким плотным, что дышать было трудно. Снаружи, за золочеными воротами, уже бесновалась толпа. Те, кому не хватило места в зале, кто пришел поглазеть на чудо, те, кто требовал хлеба и зрелищ. Их крики доносились сюда приглушенным гулом, похожим на шум моря в раковине.

Но здесь, в эпицентре власти, царила абсолютная тишина. Тишина настолько полная, что было слышно, как потрескивают свечи в люстрах. Тишина, в которой любое слово звучало бы как выстрел.

Отец поднял Корону.

Она видела этот жест тысячу раз – на портретах, на фресках, в старых записях коронаций прошлых императоров. Но сейчас, когда золото оказалось так близко, она впервые рассмотрела детали.

Золотые зубцы хищно блеснули в свете люстр. Они были не просто острыми – они были живыми. Тонкие иглы на концах шевелились, словно усики насекомого, пробуя воздух, ища цель. Камни, вставленные в оправу, – рубины, сапфиры, алмазы – пульсировали внутренним светом, как глаза хищника в темноте.

– Прими бремя, Анастасия, – голос отца был лишен эмоций. Ни гордости, ни печали, ни радости. Только холодная констатация факта. – Стань сердцем этого мира.

Она подняла глаза, чтобы встретить его взгляд, и в этот момент...

В этот момент двери в конце зала распахнулись.

Грохот был таким, что заглушил даже гул протестующих снаружи. Тяжелые створки, обитые бронзой, ударились о стены, и звук этот разнесся под сводами, как удар грома. Тысячи голов повернулись одновременно, тысячи глаз уставились на вошедшую.

Мать.

Она бежала к ним, лишившаяся своей обычной стати, своей величественной походки, своей королевской невозмутимости. Растрепанные волосы падали на лицо. Глаза горели безумным огнем. Платье, такое же алое, как у дочери, развевалось за ней, как знамя на ветру.

– Лиам, стой! – её крик сорвался на хрип, на визг, на что-то животное, первобытное.

Она бежала так, будто от этого зависела жизнь всего мира.

Она бежала так, будто за ней гнались демоны.

Она бежала так, как может бежать только мать, спасающая своего ребенка.

Мать рухнула на колени прямо перед Анастасией, преграждая путь отцу. Мраморный пол встретил её колени с глухим стуком, который отозвался болью в каждой клетке дочери. Её руки, тонкие, в кружевных перчатках, еще теплые после бега, вцепились в плечи Анастасии с такой силой, что на коже наверняка останутся синяки.

Она пыталась оттолкнуть её. Отодвинуть. Увести. Утащить прочь от этого золотого чудовища, которое отец держал в руках.

– Это не коронация, Настя, это жатва! – прошипела она, глядя дочери в глаза. В её зрачках плескалось такое, что Анастасия никогда раньше не видела – абсолютный, всепоглощающий ужас. – Ты слышишь меня? Он превращает тебя в батарейку для своего монстра! Он скормит тебя этому проклятому «Олимпу»!

Её пальцы сжимались на плечах, причиняя боль.

– Беги, пока не поздно! – голос сорвался на крик. – Беги, дочка, беги!

Но Лиам не дрогнул.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Ни тени сомнения не мелькнуло в его глазах. Он смотрел на жену, стоящую на коленях перед дочерью, с таким выражением, с каким смотрят на сломанный механизм, который мешает работе.

Его рука с зажатым в ней венцом медленно, неумолимо опустилась на голову дочери.

В ту же секунду мир перестал существовать.

Корона коснулась висков.

Тысячи игл вонзились в мозг Анастасии одновременно – не метафорически, а буквально, физически. Она почувствовала, как тонкие золотые усики пробивают кожу, входят в височные кости, проникают сквозь них, добираясь до мягких тканей. Боль была такой, что не умещалась в сознании. Она выплескивалась наружу, заставляя тело выгибаться дугой, а горло разрываться от крика, который никто не слышал.

Но одновременно с болью пришло иное.

Сознание Анастасии разорвалось на тысячу осколков, и каждый осколок полетел в свою сторону, подключаясь к нейронной сети «Олимпа». Она видела всё сразу – каждый уголок дворца, каждую улицу города, каждую камеру, каждый датчик. Информация лилась в неё потоком, таким плотным, что захлебывалась, тонула, задыхалась в нем.

Артефакт работал. Он подключал носителя. Он сканировал окружение на предмет угроз.

И он почувствовал «помеху».

Тепло рук матери на плечах новой хозяйки. Биение её сердца. Дыхание. Пот. Слезы, капающие на алый бархат. Всё это было чуждым, посторонним, опасным.

Защитный протокол сработал мгновенно.

Анастасия видела это в замедленной съемке. Каждое мгновение растянулось в вечность, давая ей возможность рассмотреть детали, которые она никогда не сможет забыть.

Глаза матери. Они смотрели на неё с такой нежностью, с такой любовью, с такой болью, что сердце разрывалось. В этих глазах не было страха – только прощание. Только последнее «прости» за то, что не смогла спасти.

А потом зрачки дрогнули. Цвет начал уходить из радужки, вымываться, как краска с намоченной бумаги. Глаза подернулись серой дымкой. Сначала легкой, почти прозрачной, потом все более плотной, непроницаемой.

Кожа на лице матери начала трескаться.

Тонкие линии побежали по лбу, по щекам, по подбородку, как трещины на высохшей земле. Они углублялись, расширялись, и из-под них не выступала кровь – потому что крови уже не было. Вместо крови оттуда сыпалась серая пыль.

Волосы, еще секунду назад растрепанные и живые, побелели на глазах, стали сухими, как солома, и рассыпались, оседая на плечи пеплом.

Через мгновение мать, всё еще стоявшая на коленях, рассыпалась в серый прах.

Она не успела даже вскрикнуть. Не успела сказать последнее слово. Не успела поцеловать дочь на прощание. Просто перестала существовать, оставив после себя лишь облачко теплого пепла, которое медленно оседало на алый бархат платья Анастасии, смешиваясь с потом и слезами.

И в этот же миг «Олимп» сошел с ума.

Где-то глубоко под землей, в недрах Черного Шпиля, что возвышался над городом, как каменный палец Бога, рванула первая цепная реакция. Магия, которую сдерживали триста лет, вырвалась на свободу. Первая Магическая Волна ударила из Шпиля во все стороны, расширяясь идеальным кругом, стирая всё на своем пути.

Анастасия видела это глазами камер. Видела, как волна прошла сквозь дворец, превращая аристократов в напудренных париках в статуи из пепла. Как волна накрыла город, снося здания, испаряя людей, выжигая жизнь до самого фундамента. Видела, как за пятьдесят миль от центра всё превратилось в пустыню, в ничто, в абсолютную пустоту.

И среди всего этого хаоса, среди криков умирающих и гула разрушающихся зданий, она слышала голос отца.

– Прости.

Одно слово. Тихий шепот, обращенный к ней. Отец стоял рядом, держа в руках пустую бархатную подушечку для Короны, организма, который теперь стал частью головы его дочери, и смотрел на Настю с выражением, которого она никогда раньше не видела на его лице.

– Прости, – повторил он. – Так нужно для порядка.

А потом холод стазиса сковал её сердце.

Темнота пришла не сразу. Она наплзала медленно, как туман над болотом, затягивая сознание, глуша боль, стирая образы. Последнее, что Анастасия увидела перед тем, как провалиться в сорокалетний сон, – это лицо отца, застывшее маской, и пепел матери, всё ещё оседающий на её плечи.

Пепел. Теплый. Родной. Последнее, что осталось от той, кто пытался её спасти.

И колыбельная, которую мать пела ей в детстве, вдруг зазвучала в ушах – тихая, печальная, прощающая.

Спи, моя девочка, спи.
Пепел ложится на крыши.
Завтра мы будем в пути,
Завтра мы станем тише.
Спи, не открывай глаза,
Время ушло, как вода.
Спи, моя дочка, пока
Не наступила беда.

Сорок лет прошло. Или не прошло – кто теперь разберет это искаленное время? Пепел остыл, крыши рухнули, а колыбельная всё ещё звучала где-то в глубине памяти, когда Корона наконец решила, что её носительница отдохнула достаточно.

Настало время просыпаться.

Настало время танцевать.

Глава 1. Венец и Прах

Пробуждение не было мгновенным. Оно приходило слоями, как рассвет в прежние времена, когда солнце не взрывало горизонт, а медленно вытягивало мир из темноты, давая глазам привыкнуть, а душе подготовиться к новому дню.

Сначала вернулся слух.

Сухой, едва слышный треск, похожий на звук лопающихся струн в старом рояле. Это лопались коконы пыли и застывшего времени, в которые она была закована сорок лет. Микроскопические разрывы ткани, отделение вековой грязи от занемевшей кожи – мир вокруг неё трещал по швам, освобождая пленницу.

Затем пришла боль.

Она не была острой – острая боль для тех, у кого ещё есть нервы, способные кричать. Эта была монолитная, глубинная, так болит сама земля под тяжестью гор, так стонут тектонические плиты, когда одна наползает на другую, рождая новые хребты. Боль пульсировала в такт с чем-то, что находилось вне её тела, но было неразрывно с ним связано.

Анастасия открыла глаза.

Серая дымка зала, заполнявшая пространство от пола до исчезающих в темноте сводов, едва не ослепила её своей безжизненностью. Она привыкла к тьме под веками, к мягкому небытию снов, а здесь – здесь была пустота, столь плотная, что её можно было потрогать руками.

Трон стал её продолжением. За сорок лет стазиса границы между плотью и камнем стерлись, стали проницаемыми, как мембрана. Магическая плесень – черный, кристаллический налет «Олимпа», что сочился из стен этого проклятого дворца – оплела её щиколотки и запястья тонкими, но неумолимыми путами, пригвоздив к сиденью, словно бабочку к коллекционному листу.

Анастасия вдохнула.

Легкие, не знавшие движения десятилетиями, отозвались жжением, будто она глотнула не воздуха, а битого стекла, измельченного в пыль. Каждая клетка, каждый миллиметр слизистой горел огнем возвращения к жизни. Воздух был холодным, тяжелым, пропитанным минеральной горечью камня и сладковатым привкусом тлена – тем вкусом, что остаётся в запечатанных склепах, куда не заходят даже призраки.

Она начала подниматься.

Это было не движение, а тектонический сдвиг. Пальцы, обтянутые истлевшим кружевом перчаток, впились в каменные подлокотники – вернее, попытались впитаться, потому что мышцы атрофировались до состояния тонких нитей, натянутых на кости. Она чувствовала каждый сустав, каждый позвонок, каждый хрящ – они существовали отдельно друг от друга, не желая собираться в единую работающую систему.

Раздался звук. Резкий, леденящий душу, он разнесся под сводами зала, отразился от стен, умножился, вернулся эхом, полным ужаса. Это рвались магические путы. Слои окаменевшей пыли, вьёвшейся в ткань, в кожу, в волосы, отделялись от неё с мясом, с болью, с ощущением, что сдираешь с себя собственную историю.

Шелк платья, пропитанный консервирующим полем стазиса, не поддавался тлению, он остался целым, но тяжесть его стала катастрофической. Алый бархат, расшитый золотом, впитал в себя сырость и холод сорока зим, сорока вёсен без солнца, превратившись в кольчугу весом в десятки фунтов. Каждый квадратный дюйм ткани давил на тело, врезался в плечи, сжимал грудь, не позволяя вздохнуть полной грудью.

Её колени дрогнули.

Впервые за сорок лет живые мышцы сократились, принимая на себя вес тела – и едва не подвели. Ноги подкосились, колени прогнулись в обратную сторону, и на одно бесконечное мгновение тело, забывшее о гравитации, захотело сдаться, рухнуть обратно в милосердное беспмятство, в темноту, где нет боли, где нет тяжести, где нет этой проклятой короны, впившейся в череп.

Но Корона не позволила.

Золотые шипы, ставшие частью лобной кости, частью её анатомии, её проклятием и её спасением, пульсировали багровым светом. Этот свет проникал сквозь закрытые веки, рисовал на внутренней стороне черепа причудливые узоры из вен и капилляров. Артефакт требовал носителя. Он не мог существовать сам по себе – он должен был пить её жизнь, чтобы жить самому.

Он впрыснул в её жилы остатки накопленной магии.

Анастасия почувствовала это как удар тока – ледяная волна прошла от висков вниз, по шее, по плечам, по позвоночнику, заставляя атрофированные мышцы сокращаться судорогой. Она не хотела этого движения, не приказывала телу – оно подчинялось Короне, выполняло волю древнего артефакта, который был старше самой династии.

Она выпрямилась.

Медленно, позвонок за позвонком, выстраиваясь в идеально прямую линию. Каждый позвонок отозвался сухим щелчком – звук, похожий на треск костей в склепе, на хруст старого пергамента, который разворачивают впервые за столетия. Шея выпрямилась, плечи расправились, грудная клетка приподнялась, раздвигая тяжесть бархата.

Она стояла.

Пыль осыпалась с её плеч, с волос, ресниц – серый снег, сорокалетний слой забвения, падал к её ногам, обнажая то, что было скрыто так долго. Кожу – бледную, почти прозрачную, сквозь которую проступал синеватый рисунок вен. И платье – алое, ядовито-яркое на фоне всеобщей серости, кричащее пятно крови на выцветшей фотографии.

Она сделала первый шаг.

Мир качнулся. Пол ушел из-под ног, стены накренились, потолок рухнул куда-то вниз, а потом всё вернулось на свои места, но вестибулярный аппарат, забывший о своей функции, продолжал посылать в мозг противоречивые сигналы. Анастасия пошатнулась. Её тело качнулось вперед, теряя равновесие, и рука, затянута в кружево, непроизвольно дернулась к стене, чтобы найти опору.

И замерла в воздухе.

Она не позволила себе коснуться стены. Рука остановилась в дюйме от холодного камня, пальцы дрожали от напряжения, но не прикоснулись. Она не будет опираться на обломки собственной империи. Она не будет искать поддержки у того, что само рухнуло сорок лет назад. Королевы не падают. Королевы не ищут опоры. Королевы стоят сами.

Рука величественно замерла в воздухе, ловя равновесие, как балерина ловит его после пируэта – грациозно, естественно, будто так и было задумано.

Лестница Великого Зала уходила вниз.

Она простиралась перед ней, исчезая в туманной пропасти, где свет не мог пробиться сквозь плотную завесу пыли и времени. Раньше здесь расстилались ковры – алые, как её платье, с золотым шитьем, сотканые вручную лучшими мастерицами королевства. По этим коврам ступали ноги послов и королей, полководцев и поэтов, и каждый шаг тонул в мягком ворсе, не потревоженном даже шорохом.

Теперь здесь был ковер из праха и костей.

Анастасия смотрела вниз и видела останки тех, кто не успел добежать до выхода в день «Очистки». Гвардейцы в почерневших доспехах, придворные дамы в истлевших шелках, слуги, чьи имена никто не потрудился записать. Они лежали там, где упали сорок лет назад, – на ступенях, у перил, друг на друге, в последнем отчаянном броске к спасению, которое так и не пришло.

Анастасия начала спуск.

Её походка была торжественной и медленной. Она не могла идти быстрее – тяжесть платья не позволяла, мышцы отказывались подчиняться, каждый шаг требовал колоссального усилия воли. Но даже если бы могла, она не стала бы спешить. Королева не бежит. Королева шествует.

С каждым шагом тяжелый подол платья сгребал за собой мусор истории. Шлейф волочился по ступеням, собирая пыль, костную крошку, мелкие обломки камня, и этот звук – металлический скрежет золотого шитья по мрамору – звучал как похоронный марш. Как саван, который тянется за невестой, идущей к алтарю смерти.

Боль в щиколотках была невыносимой. Каждый шаг отдавался вспышкой в мозгу, где Корона продолжала свой медленный пир, вгрызаясь в сознание всё глубже. Она чувствовала,

как тонкие иглы проникают сквозь кость, касаются серого вещества, выискивают там воспоминания, чтобы подпитать себя. Корона пила её прошлое, чтобы дать ей силы идти в будущее.

Она видела скелеты гвардейцев в позолоченных доспехах. Они застыли у подножия лестницы, прислонившись к стене, сжимая в руках бесполезное теперь оружие. Они охраняли эту лестницу до последнего вздоха, верные псы, до конца защищавшие покой своей мертвой госпожи. Их черепа были повернуты в сторону трона – они смотрели на неё даже после смерти, ожидая приказа, которого уже никогда не последует.

Анастасия прошла мимо них, не склонив головы. Не замедлив шага. Не опустив взгляда.

– Ваша вахта окончена, – прошептали её губы, которые едва слушались.

Голос прозвучал хрипло, сломано, как звук старого винила, заигравшего после десятилетий молчания. Слова упали в пыль у ног и не встретили эха. Звуку не от чего было отражаться, всё вокруг было мертвым и мягким, как губка.

Чем ниже она спускалась, тем яснее становился запах. Он поднимался из глубины, из тех подземелий, куда никогда не проникал свет, – запах гари, старого железа, химического тумана и чего-то сладковато-приторного, от чего к горлу подкатывала тошнота. Дворец умирал вместе с городом. Его стены плакали известкой – тонкие белые струйки стекали по мрамору, застывая натеками, похожими на слезы. Потолки осыпались каменным дождем – мелкая крошка сыпалась сверху, хрустела под ногами, оседала на плечах, смешиваясь с пылью веков.

Один из обломков лепнины – тяжелый фрагмент карниза, изображающий ангела с отбитым крылом – рухнул в шаг от неё, подняв облако пыли.

Анастасия даже не вздрогнула. Веки не дрогнули. Дыхание не сбилось. Она лишь приподняла подбородок выше – так, чтобы ангел, лежащий у ног, видел её лицо перед тем, как рассыпаться в прах окончательно.

Её путь к дверям занял вечность. Каждый метр был битвой воли против разлагающейся плоти, каждое мгновение – преодолением себя. Но когда её ладони – эти тонкие, почти прозрачные ладони в истерзанном кружеве – коснулись холодного металла створных ворот, она почувствовала странный прилив сил.

Это была не магия Короны. Это была ярость.

Чистая, концентрированная ненависть к отцу, который превратил её жизнь в этот медленный танец на костях. К отцу, который надел на неё эту корону, зная, что она станет не символом власти, а пожизненным приговором. К отцу, который сгорел в первой же вспышке «Олимпа», оставив её одну расхлебывать то, что он натворил.

Она не просто толкнула двери. Она приказала им открыться.

Массивные створки, весившие несколько тонн, скованные ржавчиной и временем, дрогнули. Металл застонал, петли завyli, сопротивляясь движению с яростью умирающего зверя. Но магия Короны была сильнее. Багровый свет вспыхнул на висках Анастасии, побежал по рукам, сконцентрировался в ладонях – и двери пошли.

Медленно. Со скрежетом, от которого закладывало уши. С визгом, похожим на предсмертный крик. Они расходились, открывая проход, открывая путь, открывая перед ней то, что ждало снаружи все эти сорок лет.

Анастасия вышла на верхнюю террасу.

Ветер ударил в лицо мгновенно, яростно, будто только и ждал этого момента. Он рванул её волосы, смешивая их с остатками кружевной вуали, трепал подол платья, пытался сбить с ног, сбросить вниз, в пропасть. Но Анастасия стояла. Вцепившись пальцами в каменные перила, вгрызаясь взглядом в горизонт, она стояла.

Перед ней лежал Город-Труп.

Это была не просто картина разрушения. Это была симфония распада, написанная безумным композитором, где каждая нота – обрушившаяся башня, каждый аккорд – провалившаяся крыша, каждая пауза – пустота там, где когда-то кипела жизнь.

Поваленные небоскребы тянули к небу свои ржавые ребра арматуры. Черные коряги магического искажения проросли сквозь асфальт, сквозь стены, сквозь все, что когда-то было создано руками человека, – они росли, питаясь радиацией и болью, высасывая из земли последние соки. И на горизонте, закрывая полнеба, возвышался Черный Шпиль.

Колосс из обсидиана и проклятого металла. Он пульсировал багровыми венами – теми же, что пульсировали сейчас на её висках. Он дышал. Он ждал.

Кровь из-под венца медленно потекла по её лицу – теплая, липкая, она обогнула висок, скользнула по скуле, оставила темный след на бледной щеке, достигла подбородка и упала вниз, на алый бархат, смешавшись с тканью, став её частью.

Анастасия не вытерла её.

Она лишь сильнее сжала кулаки, чувствуя, как ткань платья натягивается на плечах, как золотое шитье впивается в ладони, как Корона раскаляется добела.

– Твоя зачистка не была идеальной, отец, – произнесла она, и голос её окреп, наполняясь сталью, которой не было в нем последние сорок лет. – Ты оставил свидетеля.

Она оторвала ладони от перил и начала свой путь по внешним ступеням, ведущим в самую гущу руин. Шлейф платья тяжело пополз по камню, сбрасывая вниз мелкие камешки, и каждый из них, падая, отбивал ритм – ритм приближения.

Королева выходила к своим новым подданным.

И на этот раз она не собиралась их жалеть.

Анастасия спускалась по широкой внешней лестнице, и каждый её шаг по камню отдавался внизу, в темных чревах подворотен, тяжелым, властным эхом. Она не смотрела под ноги – взгляд был прикован к Черному Шпилю, к этой пульсирующей точке на горизонте, к цели,

ради которой она поднялась из небытия. Но боковым зрением, периферией, той частью сознания, что отвечает за выживание, она видела, как тени внизу начали отделяться от стен.

Это не были люди.

И даже не звери.

Магические Волны, которые обрушивались на город в течение сорока лет, не просто убивали. Убийство было бы милосердием. Они переписывали саму суть живой материи, перекраивали генетический код, ломали и собирали заново, не спрашивая разрешения. Те, кто не успел превратиться в пепел в первый день – те, кто прятался в подвалах, в убежищах, в глубине станций метро, – подверглись долгой, мучительной деформации.

Анастасия видела их. Ошмётки – так она назвала их про себя.

Они выползали из-под обломков перевернутых машин, выкарабкивались из канализационных люков, сочились из оконных проемов первых этажей, как гной из старой раны. Их тела напоминали неудачные наброски безумного скульптора, который не знал анатомии, но был одержим формой. Серая кожа, лишённая волос, туго натянутая на гипертрофированные кости, – она блестела в скупом свете, влажная, скользкая, как у только что родившихся. Конечно, были слишком длинными, чтобы принадлежать человеку, – они доставали до земли, когда существа стояли, и сгибались в суставах, вывернутых под неестественными углами.

У многих вместо лиц зияли рваные провалы – дыры, из которых вырывалось тяжелое, хриплое дыхание, пахнущее гнилью. У других лица были, но искаженные до неузнаваемости – рты, растянутые до ушей, носы, вдавленные внутрь, глаза, затянутые белесой пленкой, в которой угадывались зрачки, смотрящие в разные стороны.

Анастасия достигла последней ступени.

Здесь пепел лежал сугробами – глубокими, мягкими, они скрывали под собой очертания мостовой, погребали под собой целую эпоху. Она ступила в этот пепел, и он взметнулся вокруг её щиколоток, окутал подол, осел на бархате серой каймой.

Она остановилась.

Ошмётки окружили её полуколыском. Их было не меньше дюжины. Они продолжали выползать из каждой щели, из каждой дыры, из каждой тени. Они передвигались на четырех конечностях, странно подергиваясь, словно их нервная система постоянно испытывала удары тока. Дерганные, конвульсивные движения, остановка, снова рывок.

Самый крупный из них – существо с остатками офисного пиджака, вросшего в лопатки, вплавившегося в кожу, ставшего её частью – издал гортанный звук, отдаленно напоминающий всхлип. Или стон. Или попытку что-то сказать.

– Прочь, – произнесла Анастасия.

Её голос был негромким. Она не кричала, не повышала тона. Но в мертвой тишине города, где сорок лет не звучало человеческой речи, он прозвучал как удар хлыста, как выстрел, как раскат грома.

Существа замерли.

Они застыли в тех позах, в которых застал их звук её голоса – кто на полусогнутых, кто с поднятой лапой, кто с открытой пастью. В их примитивных разумах, выжженных радиацией «Олимпа», боролись два инстинкта. Два древних, базовых импульса, которые не смогла убить даже магия.

Первый – голод. Невыносимый, сводящий с ума, вечный голод, который гнал их на поверхность в поисках хоть чего-то живого, хоть чего-то теплого, хоть чего-то, что можно сожрать.

Второй – ужас. Первобытный, животный ужас перед Короной. Перед этим багровым светом, пульсирующим на висках женщины в алом. Перед той самой силой, которая сорок лет назад содрала с них кожу и лишила имен, превратив в то, чем они стали.

Ошмёток в обрывках пиджака сделал рывок вперед.

Но это не был бросок хищника. Он не нападал – он пал ниц в трех метрах от неё, вгрызаясь когтями в потрескавшийся асфальт, царапая камень, оставляя на нем глубокие борозды. Его хребет, утыканный острыми костяными наростами, выгнулся дугой – неестественной, невозможной для здорового существа. Он прижимался к земле, пытаясь стать меньше, пытаясь слиться с ней, пытаясь исчезнуть.

Остальные последовали его примеру.

Дюжина искалеченных тел припала к земле, прижимаясь мордами к асфальту, закрывая головы слишком длинными конечностями, дрожа мелкой, противной дрожью. Они не смели поднять глаз. Они не смели дышать слишком громко. Они лежали перед ней, как псы перед хозяином, как рабы перед госпожой, как грешники перед божеством.

Анастасия не шелохнулась.

Она стояла среди этого живого ковра из стонущих тел, и Корона на её голове раскалялась всё сильнее. Камни в венце – те, что когда-то были просто драгоценностями, а теперь стали частью механизма – начали пульсировать багровым. Этот свет выхватывал из темноты подробности их уродства: пальцы, сросшиеся в костяные лезвия; глаза, затянутые бельмой, в которой угадывались отсветы бывшего разума; рты, полные острых, как иглы, зубов, которые никогда больше не улыбнутся.

– Вы помните этот блеск, не так ли? – она медленно обвела взглядом дрожащие тела. Голос её был тих, почти ласков, и от этого еще страшнее. – Вы помните, кто обрек вас на это существование.

Она сделала шаг вперед.

Шлейф её платья – тяжелый, влажный от осевшей гари, напитавшийся пеплом и пылью – прошелестел по асфальту. Край алого бархата задел лапу одного из существ, того, что лежал ближе всех.

Ошмёток дернулся, как от удара током. Как от ожога раскаленным железом. Из его глотки вырвался хрип – тихий, жалобный, почти детский. Он отполз на несколько дюймов, не смея поднять головы, не смея даже взглянуть на то, что коснулось его.

Для них она была богиней смерти, сошедшей с пьедестала. Воплощением той самой силы, что сожгла их мир. Матерью, что родила их в муках, и палачом, что придет за ними в свой час.

Но Анастасия, глядя на эти корчащиеся тела, видела в них лишь отражение собственного проклятия. Они были снаружи того ада, в котором она заперта внутри. Их плоть искалечила магия – её плоть искалечила корона. Их лишили человеческого облика – её лишили права на смерть. Они были братьями по боли, сестрами по проклятию, детьми одной катастрофы.

Тяжесть платья тянула её к земле. Каждый дюйм движения стоил ей колоссальных усилий воли. Ткань на плечах резала кожу, впивалась в ключицы, оставляя кровавые следы. Корсет сдавливал ребра, не давая вздохнуть полной грудью, заставляя сердце биться в учащенном, судорожном ритме.

Но она шла.

Гордо. Прямо. Медленно. Сквозь живой ковер из стонущих мутантов, которые расступались перед ней, как море расступается перед пророком. Она ступала по асфальту, и её каблуки оставляли следы, в которые тут же заползали тени.

Один из Ошмётков – поменьше остальных, почти ребенок по размеру, если можно было применять это слово к таким существам – внезапно потянулся костлявой рукой к подоле её платья.

Он не нападал. Он не угрожал. Его пальцы, лишённые ногтей, с обломанными фалангами, дрожали в воздухе, медленно приближаясь к алому бархату. В его глазах – в одном глазу, второй был закрыт наросшей кожей – стояло что-то, отдаленно напоминающее мольбу.

Он хотел коснуться. Просто коснуться. Этого яркого, невозможного в их сером мире цвета. Этой частицы прошлого, которая прошла сквозь сорок лет и не рассыпалась в прах.

Анастасия остановилась.

Она посмотрела вниз, на это существо, и на мгновение – всего на одно бесконечное мгновение – в её глазах мелькнуло что-то, похожее на сострадание. На узнавание. На боль, которая не имеет имени.

Но Корона не знала сострадания.

Она среагировала мгновенно, быстрее, чем Анастасия успела подумать. Из её центрального камня – того, что сидел прямо надо лбом, впиваясь в кожу тонкими усиками – вырвался

тонкий луч багровой энергии. Он ударил в землю прямо перед пальцами существа, прожег асфальт, оставив на нем оплавленную воронку.

Раздался сухой треск. Воздух наполнился запахом озона и горелого камня. Асфальт вокруг воронки мгновенно покрылся сетью трещин, из которых повалил едкий дым.

Мутант взвизгнул – тонко, пронзительно, жалобно. Он отдернул руку, прижал её к груди, забился в конвульсиях и с воплем отпрянул назад, забиваясь под остов ржавого грузовика, дрожа, скуля, плача.

Остальные в ужасе попятились. Живой коридор расширился, освобождая ей путь, увеличивая дистанцию между ними и этой женщиной в алом, от которой исходила смерть.

Анастасия даже не оглянулась на визжащее существо.

– Не прикасайтесь, – холодно бросила она. Голос её был ровным, лишенным эмоций, как у машины. – Этот шелк стоит дороже всех ваших жизней, вместе взятых. И тех, что были у вас раньше, и тех жалких остатков, что у вас есть сейчас.

Она продолжила путь.

Удаляясь от дворца. Удаляясь от трона, на котором просидела сорок лет. Удаляясь от прошлого, которое преследовало её по пятам.

Позади неё Ошмётки начали издавать странный звук. Сначала тихий, неуверенный, он нарастал, крепчал, наполнялся силой. Они начали выть.

Запрокинув головы к темному небу, разевая рты, полные игл, они выли – долго, протяжно, жутко. Но это не был вой хищников, торжествующих победу. И не вой голодной стаи, почуявшей добычу. Это был плач.

Плач подданных по своей королеве, которая проснулась слишком поздно, чтобы спасти их. Плач детей по матери, которая уходит, не оглядываясь. Плач проклятых по той, кто проклята сильнее их.

Её каблуки ритмично стучали по дороге. Шаг. Еще шаг. Еще.

Впереди, сквозь серую пелену, проступали очертания промышленного сектора. Трубы заводов, похожие на пальцы мертвецов, тянулись к небу. Цеха, лишенные крыш, зияли пустотой. И над всем этим висел химический туман – плотный, едкий, он стелился по земле, скрывая под собой дорогу.

Там, среди этих труб и цехов, её ждала первая граница «Олимпа». Автоматизированные блокпосты, которые сорок лет не видели ничего, кроме теней и пепла. Системы, запрограммированные убивать всё живое, что приблизится к запретной зоне.

Анастасия знала: живая плоть для них – цель номер один. Их сенсоры настроены на тепло, на движение, на дыхание. И никакое платье, никакая гордость, никакая королевская стать не защитят её от свинца. Только Корона.

Она приподняла подол, перешагивая через обвалившуюся балку, и её взгляд снова нашёл Шпиль на горизонте.

– Я иду, – повторила она, и ветер унес её слова вглубь мертвых кварталов, развеял их над руинами, смешал с пеплом и пылью.

Последний танец – это не метафора. Не поэтический образ из старых книг. Это технический термин. Финальный протокол системы «Олимп», который Анастасия должна исполнить своим телом.

Чтобы дойти до Шпиля через весь город, ей придется преодолеть не только физические завалы, не только орды мутантов и автоматические турели. Ей придется пройти сквозь плотность собственного прошлого, застывшего в воздухе. Сквозь воспоминания, которые Корона высасывает из её мозга, чтобы показать ей то, что она предпочла бы забыть.

Каждый шаг – это битва. Каждый вздох – это преодоление. Каждый метр – это приближение к финалу, где танцевать придется не на балу, а на краю пропасти, под прицелом тысячи орудий, глядя в глаза тому, что когда-то было её домом.

Ошмётки остались позади. Их вой постепенно растворялся в гулком мареве мертвых кварталов, сменяясь новым звуком – низким, едва уловимым гулом самой земли.

Анастасия знала этот гул. Так вибрировали силовые кабели «Олимпа», проложенные глубоко под мостовыми, в бетонных тоннелях, куда не проникал свет. Город был мертв – это она видела своими глазами. Но его нервная система продолжала судорожно биться в агонии, перекачивая остатки магического заряда к Шпилю, питая его, поддерживая в нем жизнь.

Она вошла в зону, которую в хрониках называли «Поясом Молчания». Здесь плотность застройки была такой, что небо превращалось в узкую щель между бетонными колоссами – щель, сочащуюся серым светом, как сочится гной из старой раны. Дома здесь стояли так близко друг к другу, что их стены почти соприкасались, оставляя проходы шириной в метр – коридоры, по которым когда-то сновали люди, спешащие по делам.

Теперь по этим коридорам полз только туман.

Её путь лежал через весь город. От величественных дворцовых холмов, где она провела сорок лет в стагнэ, через гнилое чрево промышленных зон, зараженных радиацией и магией, через жилые кварталы, где в каждой квартире, в каждой комнате, в каждой кровати лежали скелеты, – к обсидиановому острию Шпиля, что пульсировал на горизонте багровым светом.

Это были мили и мили ада. Десятки километров, которые ей предстояло измерить шагами. Тысячи шагов, каждый из которых отдавался в коленях тупой болью, в висках – пульсацией Короны, в груди – тяжестью алого бархата.

Анастасия приподняла левую руку, глядя на тощие пальцы в кружеве. Сквозь прорехи перчатки просвечивала кожа – бледная, почти прозрачная, с синеватыми прожилками вен. Она сжала пальцы в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь, – живая, настоящая, существующая.

Корона на её голове не просто светилась. Она вела её.

Венец транслировал в её разум навигационную сетку старого мира. Анастасия видела призрачные очертания проспектов, наложенные на нынешние горы мусора. Видела названия улиц, всплывающие перед глазами, – «Проспект Мира», «Улица Строителей», «Площадь Трёх Вокзалов». Видела маршрут, проложенный кем-то давно умершим, – красную линию, пульсирующую в такт её сердцу.

«Последний танец» был её предназначением.

Она – последняя из рода, чья кровь была генетически настроена на резонанс с системой. Её предки строили «Олимп», вкладывали в него свою магию, свои жизни, свои души. Они запечатали в его недрах столько энергии, что её хватило бы, чтобы сжечь этот мир дотла. И теперь эта энергия искала выхода.

Шпиль накопил в себе критическую массу магического распада. Сорок лет без обслуживания, без контроля. Сорок лет, в течение которых реакторы работали на пределе, охлаждаясь только кровью тех, кого система приносила в жертву. Если она не донесет Корону до центрального гнезда и не замкнет цепь на себе, начнется «Великий Сброс».

Неконтролируемый взрыв. Выброс магии, который сотрет не только этот город, не только эти руины, но и саму реальность в радиусе тысяч миль. Там, где сейчас стояли дома, будет пустота. Там, где сейчас ползали Ошмётки, будет ничто. Там, где сейчас текла её кровь, не останется даже пепла.

Она была детонатором, который должен был стать усмирителем.

Её танец – это не вальс под звуки оркестра. Это серия движений у терминала, сложная последовательность жестов, которые превратят её плоть в проводник для всей накопленной боли этого мира. Она встанет в центр зала, поднимет руки, и Корона разрядится через неё, пропуская через её тело всю мощь «Олимпа».

Если повезет, она умрет быстро.

Если не повезет – будет гореть долго, чувствуя, как каждая клетка превращается в пепел, но не имея права потерять сознание, потому что танец должен быть исполнен до конца.

Она шла. Гордо. Тяжело.

Шлейф алого платья зацепился за остов уличного фонаря. Металл, проржавевший насквозь, впился в ткань, запутался в золотом шитье, не желая отпустить добычу.

Анастасия не дернулась. Она чувствовала, как натяжение ткани передается на плечи, как платье тянет её назад, как это чувство становится почти невыносимым, готовым сбить с ног, опрокинуть в пыль, заставить упасть.

Она медленно остановилась.

Не рванула ткань в нетерпении. Не дернула, пытаясь освободиться. Просто замерла, чувствуя, как металл впивается в нити, как время цепляется за неё, не желая отпустить.

Затем, с грацией хищной птицы, она обернулась. Медленно, величественно, как оборачиваются только те, кто никогда никуда не спешил. Она посмотрела на препятствие – на этот ржавый фонарь, переживший Катастрофу, но не переживший встречи с ней.

Корона вспыхнула ярче.

Багровый свет ударил из камней, сконцентрировался на металле, и фонарь, тронутый сорока годами коррозии, пропитанный магическим фоном, вдруг стал хрупким. Хрупким, как жженный сахар. Как сухой лист. Как пепел.

Он рассыпался под весом ткани.

Без звука, треска, предупреждения. Просто перестал существовать, превратившись в горку рыжей пыли у её ног. Шлейф освободился, скользнул дальше, и Анастасия продолжила путь.

Она не позволяла миру диктовать ей условия.

Она была Королевой. Даже если её единственными подданными были пыль, тлен и те жалкие существа, что были ей вслед из темноты. Даже если её королевство – это кладбище, а её трон – это реактор, готовый взорваться. Даже если её танец – это смерть.

Королева не уступает дорогу. Дорога уступает королеве.

На перекрестке Пяти Путей – месте, где когда-то сходились пять главных магистралей города, где кипела жизнь, работали кафе, гуляли влюбленные – дорогу ей преградил «Цензор».

Автоматический охранный дрон старой империи.

Огромный стальной паук, лишенный половины конечностей, висел на стене разрушенного банка, вцепившись уцелевшими лапами в оконный проем. Его корпус, когда-то сверкающий белой эмалью, теперь был покрыт слоем жирной копоти, ржавчины и птичьего помета – хотя птиц здесь не было уже сорок лет. Оптика, заменявшая ему глаза, потускнела, покрылась трещинами.

Но когда Анастасия приблизилась, его линза – единственная уцелевшая – со скрежетом повернулась в её сторону.

– Идентификация... – голос дрона был прерывистым, похожим на скрежет металла по стеклу. Слова вырывались из динамиков с помехами, с хрипами, с долгими паузами, заполненными шипением. – Объект... биологический... Нарушение периметра... Зона... «А»... Уровень доступа... не определен...

Из пазов в его корпусе, с шипением гидравлики, выдвинулись стволы пулеметов. Три ствола, направленных прямо в грудь Анастасии. Механизм щелкнул, заряжая патрон в патронник.

Анастасия не замедлила шаг.

Она шла прямо на него. Прямо на нацеленные стволы. Прямо на смерть, которая ждала в этих пулеметах. Её лицо оставалось неподвижной маской из белого фарфора – ни страха, ни сомнения, ни даже любопытства. Только абсолютная, ледяная уверенность.

– Склонись, раб, – произнесла она, и в её голосе зазвучал многоголосый гул Короны.

Это был не просто её голос. Это был голос трехсот лет династии, голос её предков, голос самой системы, запечатанной в золоте венца. Гул, от которого вибрировали кости и закладывало уши.

– Твой создатель мертв, – продолжила она, приближаясь. – Но его кровь всё ещё правит тобой.

Дрон задрожал.

Мелкая дрожь прошла по его корпусу, сбрасывая вековую пыль. Магический импульс, исходящий от венца, вступил в конфликт с его директивами. Две программы боролись в его процессоре: «Уничтожить биологический объект» и «Подчиняться Приоритету Ноль».

Механические суставы «Цензора» начали искрить. Из щелей между пластинами брони повалил сизый дым, пахнувший горелой проводкой. Стволы пулеметов дрожали, опускаясь и поднимаясь, не в силах выбрать цель.

Система распознала в ней «Приоритет Ноль».

Высшее руководство. Генетический код, зашитый в базах данных как абсолютный, не подлежащий обсуждению. Те, чьи приказы отменяли саму логику выживания машины. Те, ради кого «Цензор» должен был умереть, если потребуется.

Дрон издал долгий, жалобный звук – не вой, не скрежет, а именно звук, похожий на предсмертный стон механического существа. И рухнул.

Он буквально рухнул со стены, сминая свои оставшиеся лапы, ломая суставы, разрывая гидравлические шланги. Грохот падения многокилограммовой туши разнесся по пустому перекрестку, эхом отразился от стен разрушенных зданий.

Дрон замер в пыли у её ног, выключив сенсоры, погасив оптику, уйдя в глубокий сон – в знак абсолютного подчинения. В знак того, что он признал её власть и больше не посмеет поднять на неё оружие.

Анастасия прошла мимо. Даже не опустив взгляд. Даже не взглянув на поверженную машину.

Её подошва – подошва атласной туфельки, расшитой бисером, – ступила на стальной корпус дрона. Металл прогнулся под её весом, жалобно скрипнул. И когда она убрала ногу, на корпусе остался след.

Кровавый след.

Тот самый, что тянулся за ней от самого дворца – тонкая дорожка из капель, падающих с подола, с висков, с пальцев. Кровавый след, отмечавший её путь, как путь раненого зверя, который истекает, но продолжает идти.

Путь впереди уходил в туман. Здесь, в низинах города, где промышленные зоны встречались с жилыми кварталами, туман был особенно плотным. Он не просто висел в воздухе – он лежал на земле слоями, полз по асфальту, обвивал ноги, поднимался до колен, до пояса, до груди. Едкий, химический, он заставлял слезиться глаза и жег горло при каждом вдохе.

Воздух стал холодным.

Не просто прохладным, а именно холодным таким, что дыхание вырывалось изо рта облачками пара, а кожа покрывалась мурашками под слоями бархата и кружев. Анастасия чувствовала этот холод каждой клеткой. Он проникал сквозь ткань, кожу, мышцы, добираясь до костей.

Это значило одно – она приближается к «Зоне Застоя».

Месту, где время и пространство были исковерканы сильнее всего. Где магические волны «Олимпа» накладывались друг на друга, создавая интерференцию, рождая аномалии. Где прошлое не просто вспоминалось – оно проживалось заново, снова и снова, в бесконечном цикле.

Там, в этом тумане, город переставал быть просто нагромождением камня и металла.

Там он становился живым лабиринтом. Лабиринтом, который помнил всё: и смех детей, игравших в этих дворах, и крики умирающих в день Катастрофы, и шепот влюбленных, и вой сирен, и тот самый пепел, что сорок лет назад укрыв его улицы плотным одеялом.

Анастасия поправила воротник. Жест отточенный, привычный, хоть и забытый за годы стазиса. Пальцы коснулись золотого шитья, влажного от крови и пота.

Тяжесть платья стала почти родной. Частью её новой анатомии. Она уже не замечала, как бархат давит на плечи, как корсет впивается в ребра, как шлейф тянется за ней, собирая пыль. Это было её тело теперь. Это был её крест. Её проклятие. Её долг.

Она знала, что впереди – еще три четверти пути.

Три четверти ада, которые ей предстоит пройти. Три четверти боли, которую предстоит вытерпеть. Три четверти воспоминаний, которые Корона заставит её пережить.

И она знала, что каждый шаг приближает её к финалу. К залу в сердце Шпиля. К терминалу, на котором ей предстоит танцевать. К смерти, которая ждет её там, в центре магической воронки.

– Еще немного, – прошептала она самой себе.

Это было единственное проявление слабости, которое она позволила за весь путь. Шепот, обращенный в никуда. Слова, которые не услышит никто, кроме ветра и пыли.

– Сначала город. Потом – вечность.

Она сделала шаг вперед, и туман сомкнулся за ней, скрывая алый силуэт, растворяя его в серости, поглощая целиком.

Королева уходила в сердце своего мертвого королевства. И город принимал её, как принимает могила тело, – медленно, неумолимо, навсегда.

Глава 2. Зона Застоя

Зона Застоя – это не просто географическая точка на карте павшего города. Это шрам на теле реальности. Место, где сорок лет назад магическая Волна столкнулась с защитными полями промышленных реакторов и... замерла. Не отступила, не рассеялась, а именно замерла, впитавшись в пространство, как яд впитывается в лимфу, превратив его в вязкий кисель из времени, материи и застывшего крика, который так и не успел долететь до чьих-то ушей.

Граница была видна невооруженным глазом. Там, где кончался обычный город с его привычным пеплом и ржавчиной, воздух начинал дрожать, словно нагретый, хотя холода здесь стояли такие, что дыхание превращалось в ледяную крошку, не долетая до земли. Линия раздела была неровной, рваной. Она напоминала край старой фотографии, обгоревшей на костре, где изображение еще угадывается, но бумага уже рассыпается под пальцами.

Анастасия вошла в этот туман так, словно погружалась в ледяную воду. Не шагнула – ступила, медленно, осторожно, позволяя аномалии принять её, привыкнуть к её присутствию, признать в ней свою. Сначала исчезли ноги – по щиколотку, по колено, по бедра. Туман поднимался выше, лизал подол платья, обнимал талию, добирался до груди. Он был маслянистым на ощупь, тяжелым, он не расступался перед ней – он обволакивал, просачивался сквозь ткань, сквозь кожу, добираясь до самых костей.

Здесь свет не падал сверху. Он сочился из самих стен.

Фосфоресцирующий, мертвенно-бледный, цвета гниющей чешуи дохлой рыбы, что выбрасывает на берег после шторма. Он лился из трещин в кирпичной кладке, из разбитых окон, из провалов в асфальте – тонкими, вязкими струями, похожими на светящуюся кровь больного мира. В этом свете не было тепла. В этом свете не было жизни. Это было свечение распада, последняя агония материи, которая забыла, как умирать правильно.

Воздух в Зоне Застоя стал густым. Не метафорически, а физически ощутимо – его приходилось не вдыхать, а проглатывать, проталкивать в легкие усилием воли, как проталкивают комок сухой пищи, застрявший в горле. Он обволакивал алый бархат её платья, делая его еще тяжелее, словно ткань впитывала в себя не влагу, не конденсат, а самую тяжесть сорокалетнего ожидания – всю ту боль, что копилась здесь, пока она спала на своем троне.

Анастасия чувствовала, как Корона на её голове начинает мелко вибрировать.

Венец распознал искажение. Он был создан той же магией, что породила эту аномалию, и теперь они перекликались, переговаривались на частотах, недоступных человеческому уху. Здесь законы физики, установленные её предками, были вывернуты наизнанку, как перчатка. Здесь гравитация текла в обратную сторону. Здесь время не шло – оно стояло, закручиваясь в медленные, невидимые воронки, засасывая в себя всё, что осмеливалось войти.

Она сделала шаг. И звук её каблука – привычное, почти родное цок, которое сопровождало её всю дорогу от самого дворца – донесся до ушей лишь через несколько секунд. Приглушенный, искаженный, будто пришедший из-под толщи песка, из-под слоя вековой породы.

Ц...о...к – разбитый, распавшийся на составляющие, он повис в воздухе отдельными кусками и не спешил исчезать.

Второй шаг. Третий. Звуки накладывались друг на друга, наслаивались, создавая какофонию, в которой прошлое, настоящее и будущее перемешались так плотно, что их невозможно было отделить друг от друга.

По обе стороны от проспекта высились здания, которые Волна застигла в момент обрушения.

Это была пугающая выставка катастрофы. Не музей – музей предполагает порядок, систематизацию, экспозицию. Это было нечто иное – застывшее мгновение агонии, которое длилось уже сорок лет и не собиралось заканчиваться.

Огромные глыбы бетона и кирпича висели в воздухе. Не падали. Не двигались. Просто висели, удерживаемые невидимыми нитями статического напряжения, похожие на тяжелые, каменные облака, которые забыли, как проливаться дождем. Это был архитектурный ансамбль, переписанный безумным скульптором. Здесь колонна, оторванная от портика, парила в трех метрах от земли, там целый этаж здания съехал в сторону, но не рухнул, застряв в воздухе под невозможным углом.

Осколки оконных стекол застыли в пространстве мириадами прозрачных ножей. Они сверкали в тусклом мареве, отражая друг друга, создавая бесконечные коридоры из света и пустоты. В каждом осколке можно было увидеть что-то свое – лицо, улицу, вспышку, тень. Хрустальный дождь, который шел сорок лет, но так и не долетел до земли.

Анастасия шла мимо них, и её отражение дробилось в этих парящих зеркалах.

В каждом осколке она видела иную версию себя.

Где-то – молодая, испуганная, с глазами, полными слез, которые так и не пролились. Та, что стояла на коленях перед отцом в день коронации. Та, что еще верила, что всё будет хорошо.

Где-то – зрелая женщина с жесткой линией губ, та, какой она могла бы стать, если бы правила по-настоящему, если бы «Олимп» не превратил её в батарейку.

Где-то – высохший череп под золотым ободом. Кожа, обтянувшая кости, глаза, провалившиеся в глазницы. Та, какой она стала на самом деле, просто не видела этого, потому что зеркал в тронном зале не было.

Где-то – вообще ничего. Пустота. Тьма. Вариант, в котором она не проснулась.

Зона Застоя вытягивала из пространства все «возможности», которые так и не случились. Все пути, которыми она не пошла. Все судьбы, которые оборвались, не успев начаться. И теперь они висели в воздухе, рядом с бетонными глыбами и осколками стекол, – ее собственные призраки, ее собственное непрожитое.

Из светящегося тумана начали проступать фигуры.

Сначала они были почти неразличимы – просто сгустки тьмы на фоне фосфоресцирующего марева. Потом обрели очертания. Потом – плоть. Прозрачную, зыбкую, но плоть.

Это не были Ошмётки. Ошмётки – существа из плоти и крови, пусть искалеченной, пусть перекроенной магией, но живой. Они дышали, они двигались, они хотели жрать.

Это было иное. Это были Эха.

Слева от неё, прямо посреди мостовой, застыла группа людей. Они выглядели как полупрозрачные изваяния из серого дыма – того дыма, что поднимается над только что потухшим костром, когда угли еще горячие, но пламени уже нет.

Молодая пара, держащаяся за руки. И ребенок, указывающий пальцем на небо.

Они не двигались. Они были заперты в той самой секунде, когда «Олимп» выпустил свою первую ярость. Сорок лет они стояли здесь, посреди того, что когда-то было проспектом, глядя на небо, которое уже никогда не станет прежним.

Анастасия подошла ближе. Она видела выражение их лиц. Не ужас, нет. Ужас – это реакция на уже случившееся. Они еще не успели понять. Они только увидели что-то в небе – вспышку, свет, приближающуюся волну, – и в этот момент время остановилось.

На их лицах застыло недоумение. Мягкое, почти детское недоумение. Взгляд ребенка был устремлен вверх, рот приоткрыт – он хотел спросить у родителей: «Что это?», но вопрос так и не прозвучал. Мать смотрела туда же, инстинктивно сжимая ладонь мужа. Отец уже начал поворачивать голову, чтобы посмотреть на семью, – защитить, прикрыть, увести.

И замер. Навсегда.

Теперь это недоумение будет длиться вечно. Этот вопрос никогда не получит ответа. Эта семья никогда не узнает, что убило их.

Анастасия шагнула вперед. Её тело прошло сквозь них.

Ощущение было таким, будто она шагнула в облако ледяного пепла. Не больно, нет. Холодно. Пусто. Тысячи ледяных игл коснулись кожи одновременно и исчезли, не успев оставить следа.

Эха не рассеялись. Они лишь слегка вздрогнули, когда её алый шлейф – тяжелый, мокрый, пропитанный туманом – прошел по их призрачным ногам. Легкая рябь пробежала по их телам, исказила лица, смешала черты, а потом всё вернулось на свои места. Они продолжали стоять, глядя в небо, которое видели только они.

Анастасия остановилась в трех шагах от них. Обернулась. Смотрела долго, очень долго, впитывая каждую деталь: изгиб спины матери, пальцы отца, сжимающие её ладонь, подбородок ребенка, задранный вверх.

– Вы – самые счастливые из нас, – прошептала она.

Голос замерз в воздухе. Слова превратились в короткие кристаллы пара, застыли, повисли на мгновение и осыпались вниз, в туман, мелкими ледяными крошками.

– Вы хотя бы не знаете, что произошло потом. Вы не видели, как горели ваши дома. Не слышали криков тех, кто выжил в первый час, чтобы умереть во второй. Не чувствовали запаха собственной плоти, когда магия добиралась до вас, если вы прятались слишком близко.

Она помолчала. Кристаллы слов продолжали падать.

– Вы застыли в лучшем мгновении своей смерти. В том единственном миге, когда еще можно было надеяться.

Она отвернулась и пошла дальше. Эха остались позади, застывшие в вечном полдне, глядящие в небо, которого больше нет.

Дальше туман стал плотнее, приобретая багровый оттенок. Не красный, как её платье, – красный был цветом жизни, цветом вызова. Этот был цветом запекшейся крови, внутренностей, цветом того, что скрыто под кожей и не должно показываться наружу.

Багровый туман поднимался от земли, сочился из разломов асфальта, клубился у стен зданий. Это значило, что впереди эпицентр разрыва силовых линий. Там, где сорок лет назад защитные поля промышленных реакторов схлестнулись с магической Волной в смертельной схватке. Там, где пространство не просто искажено – оно пробито, проколото, и из этих проколов сочится нечто, чему нет названия.

Анастасия замедлила шаг. Корона на её голове вибрировала сильнее, предупреждая об опасности. Камни пульсировали в такт её сердцу, и каждый пульс отдавался болью в висках, в затылке, в глазах.

Она вошла в багровую мглу.

Внезапно, из марева, плавно и бесшумно, выплыли Ленты.

Они не появились – они проявились. Сначала как легкое колебание тумана, потом как тень на фоне тени, потом как нечто, имеющее форму. Существа, рожденные самой аномалией, – длинные, многометровые лоскуты живой тьмы, напоминающие разорванную траурную вуаль, которую ветер унес с похорон и теперь носит над городом, не в силах опустить на землю.

У них не было тел. Только пульсирующие узлы магической энергии в том месте, где должна быть голова, – сгустки багрового света, похожие на больные сердца, вырванные из груди и оставленные гнить на солнце. Эти узлы дышали. Пульсировали. Сжимались и расширялись в медленном, мерном ритме.

Ленты медленно дрейфовали в пространстве, подчиняясь невидимым течениям, которые никто, кроме них, не чувствовал. Они не имели цели, не имели направления – просто плыли, касаясь всего, до чего могли дотянуться.

Их прикосновение означало мгновенную аннигиляцию.

Не смерть – смерть слишком милосердна. Они стирали. Растворяли. Возвращали материю в состояние первородного хаоса, в ту первичную пустоту, из которой когда-то возник мир. Никакой боли, никакой агонии – просто исчезновение. Ты есть – и тебя нет. Без следа. Без памяти. Без права на забвение.

Анастасия остановилась.

Одна из Лент, почуяв тепло её Короны, начала медленно разворачиваться в её сторону. Это не было движение хищника, почуявшего добычу. Это было движение медузы в глубоком океане – грациозное, бессознательное, неотвратимое.

Она двигалась красиво. Страшно красиво. Черная на фоне светящегося багрового тумана, она струилась в воздухе, переливаясь, меняя форму, подстраиваясь под невидимые токи пространства. Её «голова» – пульсирующий узел – смотрела прямо на Анастасию, хотя смотреть там было нечем.

Корона на голове Анастасии отозвалась предупреждающим гулом. Глубоким, низким, похожим на стон больного органа. Багровые камни вспыхнули ярче, создавая вокруг неё тонкий, едва заметный барьер – невидимую пленку, отделяющую её от этого порождения хаоса.

Лента приближалась. Медленно. Неумолимо.

Анастасия не шелохнулась.

Она стояла прямо, её подбородок был задрал так высоко, что золотые зубцы венца едва не касались затылка. Руки опущены вдоль тела, ладони расслаблены. Только пальцы чуть подрагивают в истертых кружевах перчаток.

Лента коснулась барьера.

Раздался звук. Тонкий, высокий, похожий на звон хрустального бокала, по которому провели мокрым пальцем. Электрический треск пробежал по границе соприкосновения, высветив на мгновение структуру щита – сложное переплетение магических линий, созданных Короной.

Лента дернулась. Отпрянула. Снова приблизилась. Коснулась в другом месте. Снова звон, снова треск, снова отпрянуть.

Она не понимала. Она чувствовала тепло, чувствовала жизнь, но не могла добраться. Барьер был для нее как стекло для мухи – прозрачный, но непреодолимый.

Анастасия смотрела на это порождение хаоса с холодным презрением. Не страхом – презрением. Тем особым презрением, которое доступно только тем, кто уже прошел через ад и понял, что бояться больше нечего.

– Я – носительница Трона, – произнесла она.

Голос её обрел мощь, которой не было в нем даже в лучшие дни. В нем зазвучал многоголосый гул – голоса предков, голоса трехсот лет династии, голоса тех, кто строил этот мир, кто создавал эту магию, кто породил эти аномалии.

– Я – та, кто дала вам право существовать в этих руинах. Без меня вы были бы ничем. Без моей крови, пролитой в день коронации, без моей боли, питавшей «Олимп» сорок лет, вас бы не было.

Она сделала шаг вперед. Навстречу Ленте.

– Назад, – приказала она. – В бездну. Туда, откуда вы выползли.

Магическое давление, исходящее от неё, стало почти физически ощутимым. Воздух вокруг загустел, зазвенел, пошел рябью. Багровый туман отступил от неё на несколько шагов, обнажая асфальт, покрытый сетью трещин.

Лента дрогнула.

Её «голова» – пульсирующий узел – забилась в конвульсиях. Свет внутри неё замерцал, замигал, начал гаснуть. Она сжималась, сворачиваясь в тугой клубок, как раненое животное сворачивается, чтобы защитить живот.

Через мгновение она просто растворилась в тумане.

Не исчезла – именно растворилась. Распалась на тысячи мельчайших частиц, которые рассеялись в воздухе, смешались с багровым маревом, перестали существовать как единое целое.

Остальные Ленты, почувствовав гибель одной из своих, начали отступать. Они уплывали вглубь аномалии, растворялись в тумане, прятались в тех щелях реальности, откуда выползли сорок лет назад.

Анастасия осталась одна.

Она перевела дыхание. Глубокий вдох – и воздух обжег легкие, напоминая, что она всё еще жива, что барьер держится, что Корона пока не дает ей умереть.

– Рабы, – прошептала она, глядя вслед исчезающим теням. – Даже здесь, даже после смерти вы остаетесь рабами. Рабами своей природы. Рабами страха.

Она поправила воротник – жест, ставший уже привычным, почти рефлекторным. Пальцы коснулись мокрого бархата, влажного кружева, липкой крови на шее.

И пошла дальше.

Зона Застоя была огромна. Она охватывала весь старый Университетский квартал и часть Музейной мили – те районы, где когда-то кипела интеллектуальная жизнь столицы, где студенты спорили о философии до утра, где профессора в пыльных мантиях читали лекции о природе магии, а художники выставляли свои полотна в надежде, что их заметят.

Теперь здесь была только смерть. Искривленная, перекрученная, застывшая в самых нелепых позах.

Архитектура становилась всё более безумной по мере того, как она углублялась в зону. Башни зданий были перекручены, словно их выжимали, как мокрое белье, гигантские руки. Бетонные плиты загибались вверх, образуя арки, ведущие в никуда. Колонны, лишённые опоры, парили в воздухе, намертво впечатанные в застывшее время.

На одной из стен, висящей под углом сорок пять градусов – так, что казалось, она вот-вот рухнет, но не рушилась сорок лет, – Анастасия увидела надпись.

Чья-то дрожащая рука вывела её сорок лет назад, в те первые минуты, когда люди еще пытались что-то писать, прежде чем исчезнуть. Краска, которой пользовались, давно выцвела, но магия Зоны сохранила след, сделав его частью себя, вплетя в ткань реальности.

«Свет Олимпа – это наша кровь».

Анастасия остановилась перед этой стеной. Прочитала надпись вслух, смакуя каждое слово, пробуя его на вкус, как пробуют старое вино, прежде чем выплеснуть в грязь.

– Свет Олимпа – это наша кровь, – повторила она.

И усмехнулась.

Это было не выражение лица, не улыбка, а именно усмешка – сухая судорога губ, за которой не стояло ни веселья, ни радости, только горькое, вымороженное знание. Так усмеваются люди, которые слишком долго смотрели в лицо смерти и поняли, что она не страшнее жизни.

– Да, – сказала она стене. – Крови было пролито достаточно.

Достаточно, чтобы наполнить все моря этого мира. Достаточно, чтобы покрасить все стены в этот цвет. Достаточно, чтобы захлебнуться в ней по горло.

Она коснулась стены рукой в истерзанной перчатке. Камень под пальцами был холодным – холоднее, чем положено быть камню. В нем пульсировала та же энергия, что и в Короне. Родственная. Близкая. Убийственная.

– И ради чего? – спросила она у того, кто написал эти слова и уже сорок лет как превратился в пепел. – Ради этого? Ради пустоты и тишины? Ради того, чтобы Ленты жрали остатки ваших душ?

Ответа не было. И не могло быть.

Анастасия отняла руку от стены и пошла дальше.

Тяжесть её наряда начала сказываться.

Сначала она просто чувствовала усталость – привычную, почти родную, с которой жила все эти часы пути. Но теперь усталость перерастала во что-то иное. Во что-то, что сидело в костях и высасывало силы быстрее, чем Корона успевала впрыскивать новую магию.

Под корсетом ребра стонали от каждого вдоха. Анастасия чувствовала, как кости трутся о ткань, как кожа натирается до красноты, до крови, до живой мякоти. Каждый вздох давался с трудом – не потому, что воздух был густым (хотя и поэтому тоже), а потому, что грудная клетка не могла расшириться, зажатая в тиски алого бархата и китового уса.

Алый бархат юбок стал мокрым от тяжелого, маслянистого тумана Зоны. Ткань пропиталась влагой насквозь, впитала в себя столько конденсата, сколько не впитывала за все сорок лет стазиса. Теперь он весил столько, что каждое движение бедра требовало предельного напряжения мышц. Каждый шаг был борьбой. Каждый метр – победой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.